

**Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945-1956.
Vergleich von Erlebnisberichten**
**[Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945-1956 гг.
Сравнение их сообщений о пережитом]**
диссертация

Польный немецкий текст находится здесь: www.eu-ro-ni.ch/publications/Di_deu.pdf

Предисловие

- 1 Введение
- 1.1 Постановка вопросов
- 1.2 Подход, структура работы
- 1.3 Источники, уровень исследования о военнопленных, критика источников
- 1.4 Проблемы воспоминания
- 2 Исторические условия**
- 2.1 Плен, защита военнопленных и принудительная работа с античных времен
- 2.1.1 Развитие права по защите военнопленных
- 2.1.2 Японское и советское отношение к плену и к Женевской конвенции 1929 г.
- 2.2 Гражданское воспитание и влияние на военное обучение 28

- 2.2.1 В Японии
- 2.2.2 В Германии
- 2.3 Представления о коммунизме и о Советском Союзе перед пленом
- 2.3.1 В Японии
- 2.3.2 В Германии
- 2.4 Лагеря
- 2.4.1 Японцев
- 2.4.2 Немцев
- 2.5 Расслоение лагерного общества
- 2.5.1 Отношения между солдатами, унтер-офицерами и офицерами
- 2.5.1.1 Японцы
- 2.5.1.2 Немцы
- 2.6 Языковые проблемы
- 3 Сравнение рассказов о пережитом**
- 3.1 Кто написал рассказы и почему?
- 3.2 Характеристики рассказов
- 3.3 Как справиться с поражением и приспособление к плену
- 3.3.1 Японцы
- 3.3.2 Немцы
- 3.4 Антифа и последствия на лагерную жизнь
- 3.4.1 Антифа и последствия на лагерную жизнь японцев
- 3.4.2 Антифа и последствия на лагерную жизнь немцев
- 3.5 Борьба за выживание
- 3.5.1 Голод
- 3.5.2 Смерть, болезнь, несчастные случаи, психические расстройства, самоубийство
- 3.5.3 Ремесленные способности и навыки, меновая торговля, торговля на чёрном рынке
- 3.5.4 Духовная и художественная деятельность, передача знаний товарищам по плену, спорт, развлечение, юмор
- 3.5.5 Религия
- 3.5.5.1 Ритуалы
- 3.5.5.2 Религия и японцы
- 3.5.5.2.1 Карма
- 3.5.5.3 Религия и немцы
- 3.5.6 Сценарии обмана
- 3.5.6.1 Симуляция, причинение вреда собственному здоровью, самоувечье, побег
- 3.5.6.2 Хищение государственной собственности
- 3.5.6.3 Воровство у товарищей
- 3.5.6.4 Отношение к работе, зарплата, мошенничество
- 3.5.7 Сопrotивление лагерному управлению, саботаж
- 3.5.7.1 Японцы
- 3.5.7.2 Немцы
- 3.6 Человеческие отношения
- 3.6.1 Отношения с местным советским населением
- 3.6.2 Отношения с женщинами, сексуальность
- 3.6.2.1 Японы
- 3.6.2.2 Немцы
- 3.7 Взаимная оценка японцев и немцев
- 3.8 Продолжение советской пропаганды на родине
- 3.8.1 Японы
- 3.8.2 Немцы

4 Выводы и заключение

Список литературы

Источники на японском языке

Литература о предмете на японском языке
Не японскоязычные источники
Не японскоязычная литература о предмете
WWW World Wide Web

Приложение

- A Словарь понятий
- B Хронологическая таблица
- C Открытое письмо императора Мэйдзи к солдатам и матросам от 30 октября 1890 г.
- D Открытое письмо императора Мэйдзи о воспитании от 4 января 1882 г.
- E Директива японского министерства образования 1937 г. о государственной политике (кокутай но гонги)
- F Японские выражения и шрифты
- G Лагерный жаргон
- H Список интервьюированных ветеранов
- I Японское, русское и английское содержание
- K Заключение и Выводы на японском языке
- L Заключение и Выводы на русском языке
- M Заключение и Выводы на английском языке
- N Список иллюстраций и географических карт

Указатель

заключение и выводы

Нумерация разделов относится к цифровым обозначениям немецкого текста в главе (4), японского в приложении (К) и английского в приложении (М).

(1) История полна примеров горькой участи военнопленных. Они – солдаты и гражданские лица – были поставлены вне закона, убийство и принудительный труд были нормой. Положения о защите военнопленных стали появляться не сразу, а только постепенно. Основопологающие принципы были заложены Ш. Монтескье в „*O духе законов*“ (*De l'esprit des lois*, 1750) и Жан-Жаком Руссо в „*Общественном договоре*“ (*Contrat Social*, 1762), которые подчеркивали необходимость ограничить притязания победителей на то, что пленным не разрешалось поднимать оружие. Первое международное соглашение о защите военнопленных и раненых, Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, была принята в 1907 г. Советский Союз и Япония отклонили ратификацию расширенной **Женевской конвенции 1929** г., предоставлявшей лучшую защиту военнопленным. Советский Союз выразил претензии, подчеркивавшие расистскую направленность конвенции, в частности в решении создавать отдельные лагеря для военнопленных различных наций и рас. Япония в свою очередь сослалась на традицию презрения к плену, «японец либо побеждает, либо умирает». Неподписание Женевской конвенции СССР и Японией еще не означает, что они не имели законоположений о благополучии военнопленных, эти соглашения не соблюдались или соблюдались только частично. Кроме того, Советский Союз пренебрег Потсдамским соглашением от 2 августа 1945 г., согласно которому все японские военнопленные, за исклю-

чением подозреваемых в военном преступлении, должны были отправляться на родину. Германия подписала Женевскую конвенцию, однако это не мешало Третьему Рейху не придерживаться данных соглашений в обращении с советскими военнопленными.

(2) Япония хорошо обращалась с военнопленными во время Японско-китайской, Русско-японской и Первой мировой войн. Причина более ужесточившейся позиции Японии с 1911 г. может заключаться, с одной стороны, в осознании собственной мощи, и, с другой стороны, во все более подливавшем масла в огонь экономических и политических трениях с другими странами, а также во внутривнутриполитических проблемах, в которых военные круги играли все большую роль. Превосходство японских солдат должно было не только компенсировать материальное превосходство потенциальных врагов, но и должно было привести к победе. Для этого было необходимо довести физическую и психическую боеспособность каждого отдельного солдата до предела. Этому способствовало разделяемое в том числе близкими **презрение к плену**, а также соответствующее отношение к плену и штрафы в армии и во флоте, накладывающее клеймо позора и вины. Не в последнюю очередь подобное отношение к плену складывалось в результате постоянного подчеркивания беспрекословного повиновения солдат и населения Тенно и прославления смерти на поле битвы. Кроме того, этому могло содействовать и отсутствие осознания прав человека, о чем особенно ясно свидетельствует директива японского министерства образования от 30 марта 1937 г. об *„Истинном значении японской идеи государства: индивидуум принадлежит государству и его истории“*. С внешней стороны, неподписание Женевской конвенции было сигналом того, что внешняя политика проводилась не на основе международного признания, а на основе способности к победе. Поэтому полное пренебрежение военнопленными, вопреки широко распространенному в Японии мнению, невозможно, на мой взгляд, объяснить только традицией. Это впечатление подтверждает эдикт императора к солдатам и матросам от 1882 года. В нем статья 2 предписывает начальникам заботливое отношение к подчиненным. Статья 3 гласит: „никогда не презирайте проигравших и не бойтесь начальников». И далее: «если вы соединяете отвагу с жестокостью, тогда мир будет презирать вас и смотреть на вас свысока как на животных. От этого вы должны уберечь себя». С другой стороны, было бы неверно утверждать, что отсутствие уважения и полное пренебрежение военным пленом - типично японское явление. Подобное отношение было широко распространено, если не являлось даже правилом, вплоть до последнего времени. Приказ 16 августа 1941 г., подвергавший репрессиям даже семьи попадавших в плен, свидетельствует о том, что Советский Союз не уступал в жестокости Японии. Особенность японского отношения к плену заключалась в приписывании традиции к

обоснованию официальной позиции к плену и доведенное до предела запугивание пленных. Ссылка на историю освобождала от необходимости дальнейших объяснений и предоставляла защиту от критики; кроме того, никто не должен был брать на себя личную ответственность – именно к такому предлогу прибег генерал Тоджо Хидеки в Токийском процессе над военными преступниками.

Обращение трех держав с военнопленными я рассматриваю в смысле Като Норихиро как следствие идеологизации. Врагами при этом выступали: коммунизм, деморализованный советский человек, ка-питализм, классовый враг и колониальные державы. Целями являлись: борьба за жизненное пространство, освобождение колонизованных народов, равноправие и долговечный мир, – все это в сочетании с осознанием собственного превосходства. Неотъемлемой частью подготовки и мобилизации всех сил являлся определенный настрой, имевший целью поддержать задачи руководства, достичь который можно было лишь за счет индоктринации, ни в коем случае не позволявшей отклонений от поставленных целей.

(3) Со времен **эры Мейджи**, т.е. с 1868 г., Япония неоднократно предпринимала колоссальные усилия, чтобы достичь уровня экономического и мирового влияния, равного европейским странам и США. Предпосылками тому были, в первую очередь, система образования и новообразованная национальная армия. В *«Эдикте к солдатам и матросам»* 1882 г. и в *«Эдикте о воспитании»* 1890 г. Тенно обозначил обязанности вооруженных сил и школы. Начиная с 1930-х гг., расширение сферы влияния в Восточной Азии в форме *„Великой восточноазиатской сферы имущественной состоятельности“* стало наиважнейшей национальной задачей, главная роль в осуществлении которой отводилась вооруженным силам. Образование партий было нежелательно, этому препятствовали влиятельные круги и, прежде всего, правительство. Они не доверяли социалистическим и коммунистическим идеям и преследовали их представителей. Исключительность Японии и её особая роль в Восточной Азии были обоснованы в 1937 г. в послании японского министерства образования об *„Истинном значении японской идеи государства“*, в котором прежняя установка на Запад называлась преувеличенной и опасной. Приоритет отдавался в первую очередь осмыслению собственных представлений японцев о ценностях, патриотизму и абсолютной преданности к Тенно.

(4) Значимость **немецкого кайзера** нельзя было сравнить с важностью Тенно для японцев: не было Эдиктов, обосновывавших позицию и требовавших полного подчинения. Гражданское воспитание не было централизовано. Помимо авторитета кайзера существовал еще авторитет парламента и церкви. Кроме того, весомые полномочия принадлежали от-

дельным землям, с которыми авторитетность централизованных и бессильных японских префектур не могла входить в сравнение. Армия уделяла особое внимание строгой дисциплине, но не возносила «самопожертвование ради кайзера» до священного долга. Партии играли в политике решающую роль, социализм и коммунизм не подавлялись.

(5) Еще дореволюционное **столкновение интересов** вокруг Сахалина и Манчжурии, а также победа в Русско-японской войне 1904-1905 гг. оказали влияние на занимаемую **Японией позицию по отношению к Советскому Союзу**. Победа породила, прежде всего, у армии чувство собственного превосходства над противником. Во время развернувшейся после революции в России Гражданской войны Япония направила в Сибирь экспедиционный корпус с целью поддержать врагов нового режима. Тем самым отношения с молодым Советским государством не только были омрачены прошлым, но и с самого начала были отягощены опытом нового конфликта. Полный захват Манчжурии и провозглашение государства Манчжоуго усилили напряженность между двумя странами, неоднократно приводившую к пограничным инцидентам. Однако с подписанием пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г. нашлось средство, способное смягчить трения и дававшее возможность сосредоточиться на более важных планах. Всё-таки обоюдное недоверие сохранилось. Японская пропаганда вела себя сдержанно, в то время как военные круги разрабатывали операцию против Советского Союза.

(6) Значительные колебания в **отношении Германии к Советскому Союзу** отмечаются с 1919 г. Во время Веймарской республики, с 1919 по 1933 гг., в лагере левых наблюдалось восхищение, в национальном же лагере — страх. Однако это не препятствовало оживленному торговому обмену, было налажено даже военное сотрудничество. Гитлер выдвинул притязания на земли на Востоке; говорилось также, что Советский Союз представлял опасность для Германии и всего мира. После прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. пропаганда была значительно усилена, а Советский Союз был назван страной, во всех отношениях уступавшей Германии. Пакт Молотова-Риббентропа, заключенный 23 августа 1939 г., был многим немцам непонятен – как можно было подписывать соглашение с демонизированным Советским Союзом? Наступление немцев 22 июня 1941 г. положило начало осуществлению цели завоевания нового жизненного пространства на Востоке и устранения опасного режима. Окрыленная первоначальным успехом пропаганда набирала обороты. Солдатам настойчиво внушалось, что они имеют дело с врагом, не знающим жалости, и что им грозит при попадании в плен.

(7) Если немцы уже предвидели **поражение**, то для японцев оно стало фактом в течение одной недели. В их рассказах поражение тематизируется преимущественно в смысле неожиданной мощи советского наступления и собственной слабости. Капитуляция не была вопросом бесчестия, а скорее была решением Тенно, не терпевшим обсуждения. Вскоре почувствовалось всеобщее облегчение, что все позади и предстояло возвращение на родину. Для немцев поражение выглядело иначе: долголетние и кровопролитные бои с целью поражения Советского Союза привели к материальному и моральному краху.

(8) **Захват в плен** означал резкую смену ролей — переход от активной роли к роли страдальческой и неопределенным правам. Японцы, убежденные и заверенные советской стороной, что они скоро будут отправлены домой, после мучительной перевозки оказались выгруженными в отдаленных местах Советского Союза, в основном в Сибири. Это и первые месяцы плена четко врезались в память солдат и составляют ядро их позднейших воспоминаний. Неопишное чувство обмана охватило их, в особенности тогда, когда, как оказалось позже, Советский Союз на Потсдамской конференции 2 августа 1945 г. согласился на отправку военнопленных обратно на родину за исключением военных преступников. Немцы же настаивали себя на плен, об исходе которого они не имели ни малейшего представления.

(9) **Число военнопленных японцев достигает 600 000**, из них возвратившихся на родину — 540 000; среди **немцев, начиная с 1941 г., из 3 155 000** военнопленных домой возвратились 1 950 000. Процент смертности среди японских военнопленных составлял, следовательно, 10 %. Намного выше была эта цифра среди немцев — порядка 35 %. Японцы попадали в плен по большей части после капитуляции и в лучшей физической форме, чем немцы, оказавшиеся в плену после тяжелых схваток.

К первым впечатлениям о плене относится состояние мест размещения. Во многих местах приходилось ночевать в палатках даже при низких температурах. Почти во всех воспоминаниях говорится об ужасных помещениях, не предоставлявших никакого укрытия, и о нехватке санитарных условий. Японцы направлялись в суровые климатические условия Сибири и Дальнего Востока, лишь немногие из них были размещены в лагерях западнее Урала. Основным пунктом распределения немецких лагерей находился западнее Урала. Военнопленные были прикреплены к многочисленным ведомствам. Трудовые места находились в различной степени удаленности от лагеря, нередко путь туда и обратно занимал час хода.

(10) Новое положение пленных требовало **способности приспособления**, выдержки, чувства солидарности, стойкости. Сначала плен казался чем-то переносимым и имеющим конец; в отличие от боя, он не бросает вызов. На первых порах речь шла только о том, как

дожить до завтра. Выживание как цель стало отчетливо вырисовываться позже. Оно требовало соответствующего духовного настроя и осознанного действия, сбережения сил и сплочения с единомышленниками для взаимной поддержки. Как противостоять ситуации, когда твои товарищи умирают один за другим, когда нет никакой информации о будущем и нет никакой связи с родиной? Выживание часто характеризуется как долг по отношению к семье, прежде всего среди пленных, которые были женаты и имели детей.

Все воспоминания о пережитом свидетельствуют о том, как тяготы голода, болезней, холода, массовых вымираний, неизвестности о возвращении на родину и политическое перевоспитание либо губили, либо укрепляли дух людей. Слабости характера обнаруживались у людей любого социального статуса и любого образования. Можно ли говорить о поражении, если **страдания превосходят терпение и силу**? Размышления об этом можно найти в рассказах пленных, при этом степень сочувствия к слабым не всегда одинакова.

(11) Понимание между немцами, советскими ведомствами и населением облегчали немецко- и русскоговорящие. С японцами дело обстояло сложнее. Море как естественная преграда и разделение страны, проводившееся с нач. XVII до середины XIX века, препятствовали всякому сношению между Россией и Японией; знание языка отсутствовало. Советская сторона не была заинтересована в том, чтобы японцы и немцы изучали русский язык, учебников не было. Коммуникация между разноязычными пленными, а также между пленными, советскими инстанциями и местным населением, осуществлялась на **лагерном языке**, который состоял из русских слов, более или менее адаптированных к родному языку. Эти слова составляли ежедневный словарный запас, отвечавший потребностям трудовой и лагерной жизни. Примечательно то, что в основной словарный запас входили слова, относящиеся к области труда и еды.

(12) Идеологическое перевоспитание пленных осуществлялось антифашистско-демократическим движением **АНТИФА**. При этом преследовалась цель добиться осознания пленными причиненного Советскому Союзу ущерба и пробудить связанное с этим чувство долга к возмещению ущерба, доказать преимущества превосходящей системы и превратить всех пленных в убежденных приверженцев Советского Союза, способного обеспечить международный мир. Пленные должны были быть в состоянии по возвращении на родину внести свою лепту в строительство социалистического общества. Так как Япония не нападала на Советский Союз, в случае с принудительным трудом японцев нельзя было сослаться на должное возмещение ущерба; вместо этого, в частности, приводился аргумент, по которому Советский

Союз якобы должен был приложить огромные усилия по освобождению занятых Японией территорий.

Ведущую роль в политическом перевоспитании пленных во время и после войны играли немецкие коммунисты, эмигрировавшие в Советский Союз до войны. В случае японцев нельзя было прибегнуть к помощи эмигрантов. Ответственных за политическое перевоспитание искали прежде всего среди молодых и слабообразованных рядовых – группы, наиболее поддающейся воздействию. Японская военная подготовка основывалась на беспрекословном подчинении — аналогично обстояло дело в подготовке, проводимой АНТИФА. В обоих случаях общим был догматизм.

(13) Социальный верхний слой лагерного общества определялся степенью старшинства в собственной армии, а также через назначение лагерным управлением исполнителей определенных функций среди пленных. **Активисты**, проводившие идеологическое перевоспитание, занимали самую высокую позицию. Именно они, а не собственные офицеры, занимали верхушку лагерной иерархии, несмотря на то что они, со своей стороны, были в руках Советов и сами должны были принимать участие в исполнении заданий и выполнении норм. Активисты добивались власти, имели лучшие условия проживания и могли надеяться на скорейшее возвращение домой. Это осознавали и те, кто не был в восторге от коммунизма, но кто был вынужден прислуживать из-за собственной слабости или большой нужды. Озлоблены и полны горечи комментарии пленных в адрес активистов, притеснявших своих товарищей, в адрес системы доносов и замечания о всеобщем недоверии, превращавшем лагерную жизнь в ад. Апофеозом унижений и мучений были так называемые товарищеские суды, при которых беззащитных обвиняемых подвергали зверским обвинениям. Среди японских активистов готовность к запугиванию товарищей посредством террора была, как представляется, выше, чем у немцев. Тяжелым испытанием для лагерного общества была фронтальная атака на систему Тенно и на своих офицеров. Будучи на виду, офицеры, воспротивившиеся подобной политике, не могли стабилизировать ситуацию. Сохранение гармонии является неотъемлемой составной японского общества. Не соблюдая его правила офицеров и делая нападки на Тенно и на иерархию в армии, активисты тем самым расшатывали сложившийся устой. Всё это привело к распространенному среди японцев мнению о большей покорности японцев по сравнению с немцами, проявившими большую стойкость. Страх стыда и бесчестья, столь распространенный в Японии, усиливал данное убеждение. Тем не менее необходимо иметь в виду, что поражение имело для многих японцев более разрушительный эффект, чем для немцев. Одерживаемые японцами начиная с 1895 г. победы и завоевания превращали веру в

мудрость Тенно и правильность целей империи в убеждение. Партии и профсоюзы, увлечение социалистическими и коммунистическими идеями в Японии, в отличие от Германии, не могли просуществовать долго. После 1950 г. немецкие активисты потеряли своё влияние и свою власть, в то время как японские активисты продолжали занимать свои позиции и вести идеологическую «обработку».

(14) **Лагерная культура** складывалась из собственной культуры и как результат необходимости приспособления к условиям лагерной жизни. Для сохранения собственной идентичности японцы, как и немцы, стремились придерживаться собственной культуры. Японцы даже в плену соблюдали внутреннюю иерархию своих подразделений. Несмотря на разлагающее влияние активистов, японские пленные старались по возможности поддерживать установленный порядок, отводивший каждому свое место. В тяжелых, а поначалу и хаотичных, условиях плена сохранение установленного порядка имело большое значение. Именно это объясняет волну сопротивления, вызванную наказанием или отстранением высокопоставленных офицеров. Японцы настаивали также на том, чтобы приказы отдавались им только через своих офицеров.

Немцы попадали в плен большей частью не как закрытое подразделение, их военная иерархия была ослаблена из-за понесённых потерь. Цепочка офицер-унтер-офицер-рядовой у немцев была слабее представлена, чем у японцев, а в случае с более низкими чинами в условиях труда, нивелировавших всяческие отличия, полностью исчезала.

По-разному оценивалась и **лагерная газета**. Нередко японцы вспоминают о ней с отвращением, прежде всего из-за принудительного характера чтения. Немцев лагерная газета оставляла равнодушными: в воспоминаниях пленных она, если и упоминается, то лишь вскользь.

(15) **Голод** и недостаточное и даже полностью отсутствующее **медицинское обеспечение** не были средством наказания или даже уничтожения врага, – как часто предполагалось, – а являлись фактом, свидетельствовавшим и о голоде самого советского населения. Экономика была переведена на военные рельсы, холодная война продлила это состояние. Нужда и лишения имели растормаживающее действие. Воровство, прежде всего продуктов питания, будь то кусок хлеба товарища или присвоение чужого имущества, порождали недоверие. Голод приводил к полному потреблению всего, что только было пригодно в пищу, табу не существовало.

(16) Немцы, принимавшие участие в боях, смотрели в глаза смерти ежедневно, большая часть японцев увидела смерть лишь в лагере. Зима 1945-46 гг. с ежедневными

смертями от голода, болезней, несчастных случаев и недостаточного медицинского обеспечения превзошла все остальные. Особо чувствуется озлобление среди пленных, вызванное тем, что собственным врачам и санитарам не разрешалось оказывать помощь — если это и делалось, то с большими ограничениями. При всем том советским военным врачам и медико-санитарному персоналу выражалась благодарность за участливое обхождение и старания помочь, несмотря на недостаток средств. Система норм распространялась в том числе на больных и на состоявших на службе здравоохранения. Важную роль играл не уход за больными, а выполнение нормы на рабочем месте — этой системе были подчинены соображения о здоровье. Врачи не могли освобождать от работы по собственному усмотрению. Немецкие военнопленные иногда упоминают о том, что еврейские врачи и функционеры вели себя по отношению к ним корректно.

(17) Психические расстройства едва ли упоминаются в рассказах о плене; редко они фигурируют и в советской статистике здоровья. И всё же душевные страдания людей, вероятно, нередко имели место, однако прямо они не называются, а формулируются другими словами как, например, потеря жизненной энергии, апатия, отчаяние и тому подобное. Случаи **самоубийств** относятся прежде всего к началу плена. Они не тематизируются, но иногда упоминаются в связи с невыносимым давлением, оказываемым активистами, или отчаянием от неизвестности того, сколько еще будет продолжаться плен. Насколько религиозные убеждения предохраняли от суицида немцев — невозможно установить. В Японии не существует религиозных предубеждений в отношении самоубийства.

(18) **Беседа, занятие ремеслом и культурная деятельность** помогали выжить в столь тяжелых условиях. Изобретательным пленным не только удавалось увлечь товарищей, им хватало дипломатической тонкости, чтобы добиться снисхождения или даже поддержки их деятельности у лагерного начальства. Вечером, после долгого трудового дня, приходилось еще петь или репетировать для театральной постановки. Это, хотя и требовало большой самодисциплины, зато доставляло удовольствие. Другие пленные придумывали из простейших средств игры, создавали музыкальные инструменты и необходимые в быту предметы. Пленные, способные к ремеслу, получали заказы в частных домах, получая при этом небольшой заработок или пропитание. Все это привносило не только разнообразие в быт пленных, но также являлось средством передачи своей культуры пленным из других стран и вызывало симпатию у лагерного управления и местного населения. О торговле, бартере и спекуляции японцы упоминают значительно меньше, чем немцы.

(19) Атеистический Советский Союз не терпел **религиозных практик**, однако этому были и исключения, в зависимости от местного управления лагерем. В западном представлении в Японии религия не существует. Действующие догматы веры противоречат японскому мышлению, согласно которому Бог не только не превосходит природу, но является её частью. Цель заключается не в достижении вечного блаженства, а в сохранении гармонии. Рассказы о плене японцев не содержат высказываний о религиозной жизни. Не нашлось подтверждений также тому, что плен и страдания рассматривались как следствия кармы. В личной беседе подобные предположения отвергались, вера в карму как таковую не подвергалась сомнению.

Большинству немцев христианская вера передавалась через родительский дом, через школу и церковь, вера занимала важное место в жизни многих. Лишь немногие военные священники могли продолжать свою работу в тяжелых условиях плена — подобное разрешалось в немногих лагерях. Рождество считалось самым важным праздником в году, для достойной встречи Рождества не жалелись сил. Однако описания таких праздников иногда создают впечатление, что смысл их заключался в воспоминании о каком-либо событии в детстве, тоске по дому и лучшей еде. Рождественская ночь, несмотря на холод, темноту и ужасы плена, по крайней мере на несколько часов, давала надежду. Потребность в духовном утешении наиболее остро чувствовалась в тяжелых условиях. Многие находили это утешение, другие были сломлены, так как их представление о Боге не было совместимо с тем, что они переживали. Вопрос о том, может ли Бог допустить плен и сопряженные с ним страдания, или приписываемы ли они ему вообще, едва ли затрагивается пленными. Высказывания пленных допускают вывод о том, что подобные вопросы мысленно задавались или даже обсуждались. Более или менее близкое к этому слово «удел» может подразумевать Бога, не называя его и тем самым не обвиняя; однако оно может обозначать и проявление какой-либо высшей силы. В личной беседе военнопленные называют плен и ужасы плена исключительно политическим последствием.

(20) **Ритуалы** представляли собой тот уровень, на котором сходились советские секулярные, немецкие христианские и японские нерелигиозные формы почитания и нормы поведения. К советским ритуалам, которые должны были быть переняты пленными, относились в частности: клятва в верности активистов коммунизму, заявления о преданности Сталину, формальные лозунги, призывавшие к трудовому соревнованию, танцы и пение Интернационала. Сеть внутренних отношений и военная иерархия японцев были сильно ритуализованы. У немцев ритуализация относилась к области обычаев, связанных с Рождеством, выдачей пищи и вкушением хлеба.

(21) С продолжением нахождения в плену **труд** приобретал всё большее значение. Пленных не интересовала польза, приносимая Советскому Союзу их трудом, что действительно имело вес — это самоудовлетворение и возможность получения дополнительного питания. Труд укреплял самоуважение. Необходимо было не только сохранить уважение к себе, но и завоевать уважение тюремной власти и местного населения. Тесно сопряжена с трудом была **норма**, устанавливавшая ежедневный, включая воскресенье, объем продукции. Количественное, а не качественное измерение единиц труда вело к производству некачественной продукции и обману. Несмотря на это, качество немалой части продукции пленных заслуживает внимания. Советский Союз оценил выполненную пленными работу в отчете об их достижениях, предоставленному Сталину 17 июня 1950 г. Везде можно найти объекты частично или полностью созданные руками пленных японцев и немцев: электростанции, железнодорожные линии, улицы, заводы и жилые дома. Ветераны говорят об этом с гордостью.

(22) Распространенная в плену **система доносов** и слежек делала невозможным прямое сопротивление лагерному управлению. В советских документах об этом практически не упоминается, речь идет скорее о саботаже. К саботажу относили нанесение ущерба, воровство и все, что препятствовало выполнению норм, в том числе причинение вреда собственному здоровью. Единственным средством сопротивления была голодовка и только в том случае, если она не была направлена против мер Москвы и роли партии и её руководства. Голодные забастовки заканчивались с разным успехом. Иногда забастовщики ничего этим не добивались или же добивались частичного выполнения своих требований; иногда подобные забастовки заканчивались дисциплинарными наказаниями и судом.

(23) **Отношение к местному населению** с течением времени претерпевало изменения. Ненависть, по началу больше относившаяся к немцам, нежели к японцам, постепенно исчезла. Также и сами пленные со временем научились различать между Советским государством и его населением. Прошло немного времени, прежде чем они осознали, что оно само тоже является жертвой. О проявлявших сочувствие женщинах часто вспоминается с благодарностью, им едва ли не воздвигается памятник. Женщины внесли большую лепту и в дело примирения. Сами ветераны и родственники бывших пленных обеих стран приезжают посетить могилы своих близких в России и встречаются с советскими ветеранами войны. Они являются примером того, как вражда через десятилетия может превратиться во взаимное понимание и даже уважение.

(24) В воспоминаниях пленных **вопросы секса** обходятся стороной. Приблизительно до 1947 г. пленные находились в таком физическом состоянии, что говорить о сексуальных

потребностях было фактически невозможно. С улучшением жизненных условий ситуация изменилась. Советская сторона пыталась ограничить контакт пленных с женщинами, что им, правда, удавалось с трудом — работа представляла такие возможности. Не только у пленных была потребность в поддержке, но и у женщин, чьи мужья погибли или были искалечены. Другие же искали отвлечения от серых будней или хотели ребенка. Почти полностью замалчивается гомосексуальность, которая, по всей видимости, была довольно широко распространена. Причиной тому среди немцев являлся страх перед возможным притеснением в армии и христианское отношение к гомосексуализму. Эти аргументы не имели значения для японцев, так как гомосексуальность рассматривается ими как часть человеческих чувств и поэтому не обсуждается.

(25) Несмотря на то, что Япония и Германия были союзниками, речь не шла о том, что японские и немецкие военнопленные рассматривали себя как союзники. Личный опыт определял **обоюдную оценку**, в которую также входило и мнение о собственной стороне. Чем ниже была оценка себя, тем выше была оценка других. Японцы и немцы отзываются о себе всегда позитивно. Обе стороны называют одно и то же качество, которое им импонировало в товарищах по плену и отсутствие которого отмечалось, по их мнению, у собственной стороны: уверенная в себе манера держаться по отношению к русским и сильная сплоченность. Не зная языка, находясь в различных местах размещения и большей частью работая в раздельных местах, пленные зачастую не имели ни малейшего представления о том, как жилось-былось другой стороне — их представление основывалось преимущественно на внешнем впечатлении. Они не отдавали себе отчета в том, что демократическое движение и повсеместное проявление человеческих слабостей аналогичным образом подвергало лагерное общество другой стороны тяжелой пробе.

(26) **Поведение пленных после возвращения** на родину свидетельствует о том, что коммунистическая индоктринация японцев прошла успешнее. Немецкие репатрианты, вернувшиеся в Западную Германию/ ФРГ, с радостью вспоминают возвращение домой, их не ожидало участие в политической деятельности в пользу Советского Союза, в то время как пленные, вернувшиеся в занятую Советским Союзом территорию Восточной Германии/ГДР, встречались как "возвращенцы" из социалистической родины. Иначе обстояло дело с японцами. Чем дольше длился плен, тем больше была радикализация среди пленных. У них, в отличие от немцев, не было выбора. Политическое ужесточение по отношению к Японии, начавшееся в 1947 г., было заметно уже из акций, учиняемых возвращавшимися в родные портовые города пленными. При входе в порт они пели «Интернационал». Беспорядки обес-

покоили власти и американскую оккупирующую сторону и вызвали возмущение у населения. Предложенная государством помощь была названа недостаточной и была отклонена, возвращение на поезде в родные города использовалось в целях пропаганды. В 1950 г. прошла массовая демонстрация перед зданием парламента в Токио. Выдвигались лозунги упразднить режим Тенно и создать государство по советскому образцу. Однако железная хватка активистов имела действие только в плену и во время непосредственно после возвращения. Три месяца спустя лишь 20 % бывших пленных были членами КПЯ. Ставившаяся цель создать передовую группу для захвата власти КПЯ не была достигнута.

(27) Главным толчком к написанию воспоминаний о плене послужила необходимость поведать родственникам и друзьям о пережитых событиях. О себе японцы не дают подробных сведений; их сложно классифицировать по таким критериям, как образование или воинское звание, в отличие от немцев, которые упоминают и то, и другое. Те из японцев, кто не хотел писать свой собственный рассказ о пережитом и выносить его на суд общественности, мог ограничиться кратким репортажем на одной-двух страницах в одном из многочисленных сборников. Воспоминания о плене немцев, которые также затрагивают вопросы ответственности за войну, будущего родной страны или инициатив в пользу лагерного общества, принадлежат в основном перу интеллектуалов и офицеров.

Воспоминания, относящиеся к 1950-60-ым гг., более эмоциональны, чем воспоминания из 1970-х гг. Вероятно, это объясняется временной дистанцией и большим жизненным опытом бывших пленных. Как японцы, так и немцы одинаково изображают Советский Союз как страну бесправия и произвола, в которой местное население страдало так же, как и пленные.

Выводы:

Отличия:

- (А) Тенно сохранил свою значимость для большинства японцев и в плену. Он, в отличие от фюрера, руководившего страной лишь на протяжении короткого времени, был членом длительной цепочки династий, чей авторитет не ставился под сомнение от проигранной войны. Однако тех, кто, разочаровавшись в Тенно, обратился к идеологии коммунизма, отличает энтузиазм и бескомпромиссность, превосходившая по своей силе рвение немецких активистов.
- (В) Поскольку японцы в большинстве своем попали в плен закрытыми группами, их лагерное общество оставалось более сплоченным, чем общество немецких пленных. Оно по возможности придерживалось установившихся правил поведения и военной

дисциплине, однако их лагерь больше пострадал от последствий более длительной и интенсивной коммунистической индоктринации и умышленного нарушения их общественных правил. Разделяемое японцами предположение о том, что они выражали большее повиновение, чем немцы, я рассматриваю в свете приверженности японцев к общественному порядку и к сохранившейся даже в плену военной дисциплине. И то, и другое внешне проявлялось в послушности японцев, хотя это же внешнее проявление могло в любой момент смениться вспышкой сопротивления.

- (С) В воспоминаниях о плене японцев не затрагиваются вопросы религиозной жизни или нахождения поддержки в религии; редко они затрагиваются и в рассказах немцев. Японцы не ссылаются на предопределенность судьбы кармой; у немцев намеки или даже прямые высказывания о том, что плен послан им Богом или что Бог мог допустить подобное, также редки. При личной беседе влияние Бога однозначно отрицается. Отсутствие религиозного содержания не означает, что пленные не задумывались над этим, а скорее свидетельствует о том, что эти размышления как мысли личного характера осознанно не выносились наружу.

Сходства:

- (D) Как японцы, так и немцы считали друг друга более стойкими, более бесстрашными по отношению к советской стороне, а поведение собственной стороны оценивалось ими как более постыдное. Это в большинстве своем объясняется незнанием действительной ситуации в лагерном обществе другой стороны. На мой взгляд, обе стороны вели себя так, как им позволяли обстоятельства или, скорее всего, как они вынуждены были поступать в зависимости от обстоятельств, следуя их ценностным представлениям, а также под влиянием человеческих слабостей и достоинств.
- (E) Условия жизни и труда японцев и немцев различались только тем, что основная масса японцев была размещена в суровых климатических условиях районов Сибири. Им, выходцам из районов с более мягким климатом, не знавшим длинных зим и низких температур, приходилось особенно тяжело.
- (F) Высшее образование, высокий социальный статус и воинское звание в обоих лагерях еще не были гарантом образцового поведения.
- (G) Сексуальность и отношения с женщинами почти не упоминаются в рассказах пленных; замалчиваются и гомосексуальность, психические страдания и неприятные стороны собственного поведения.

- (H) Письменные и устные рассказы о плене носят преимущественно деловой характер. Даже в столь тяжелое время некоторые из пленных выносят для себя позитивное. К этому они относят способность довольствоваться малым, стойкость, ценность дружбы, понимание советской системы, солидарность с местным населением, сочувствие женщин, открытие в себе новых, неизведанных способностей, изобретательность, богатство идей и взгляд на плен как на школу жизни. Плен являлся для них не только временем испытаний, страданий и выявления человеческих недостатков, но и временем радостного, позитивного опыта и личного роста, а также временем отдачи сил себе и товарищам. Большая часть пленных поразила надзирателей не только своей работой, но и своим самообладанием. Память о них в сердцах советского населения переживет века.
- (I) Политическая ситуация собственной страны, до и во время войны, мало затрагивается немцами и практически не освещается в рассказах японцев. В личном разговоре немцы выражаются открыто, японцы – сдержанно. В «принудительном порядке» обсуждаются эти темы в рамках идеологического перевоспитания. При этом у японцев в центре внимания находилась бывшая и будущая роль Тенно.

(28) Эта первая попытка сравнительного анализа воспоминаний о плене позволяет японским и немецким ветеранам взглянуть на себя более объективно. Я связываю с этим надежду на то, что многое из того, что было неизвестно обеим сторонам, станет понятнее. Сюда относится также военное и гражданское воспитание; в последнем есть значительная разница между Японией и Германией. Комментарии японских и немецких ветеранов, а также учёных показывают, что эта работа способствует расширению знания в данной области и побуждает к дальнейшим исследованиям. Меня радует то, что несколько японских студентов обратились к этой по-прежнему являющейся щекотливой теме и, в частности, к вопросу, почему содержание к плену резко ужесточилось с 1911 г.

Моя работа начинается стихотворением Ишихары Йоширо о ненависти и заканчивается стихотворением Карла Хохмута, которое содержит мысли о нравственном очищении и примирении:

Не мысли о возмездии, не сокрушение о себе и не самооправдание должно способствовать нашему сплочению, а всеобщее прощение и намерение не допустить возврат ужаса и сопротивляться духу варварства¹.

¹ GOLLWITZER et al. (1956: 8).

Когда вернусь домой²

Когда вернусь домой, буду вкушать
из полных чаш и круглых караваев.

Когда вернусь домой, хочу скорей позабыть
ржавые миски и тонкие ломтики хлеба.

Когда вернусь домой, буду всегда смеяться

Когда вернусь домой, выйду на поле
И буду петь, танцевать и музицировать
в полях, возводимых плугом моего духа.

Когда вернусь домой, буду молиться,
благодарить, просить благословенья.

Когда вернусь домой, хочу, чтоб окружали меня
люди с сердцем и доброй волей.

Выражаю своё признание тем, кто приблизился к достижению подобных целей, и понимание тем, кто этого сделать не смог.

(Перевод: Анна Бернолд)

Universität Zürich, Ostasiatisches Seminar, Abteilung Japanologie

Prof. Dr. Eduard Klopfenstein, Zürichbergstrasse 4

CH-8032 Zürich Schweiz

Tel. 044 - 634 31 31 Fax 044 - 634 49 21

E-mail ekstein@oas.unizh.ch

РЕЦЕНЗИЯ

на диссертацию

господина **Рихарда Дэлера**

Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945-1956.

Сравнение воспоминаний о пережитом

Тень Второй Мировой Войны продолжает падать на лик современности. Только за последние 16 лет, после 1990 г., многое стало явным и доступным. Но до сих пор существуют аспекты, которые уже давно вышли из поля зрения ученых и общественности и которым никогда не было уделено должного внимания. Сюда же относится и вопрос о военном плене — несмотря на то, что ветераны-очевидцы войны и их близкие, зачастую после многолетнего молчания или даже вытеснения пережитого, продолжают надеяться на должное внимание к этой теме еще при их жизни.

² DER HEIMKEHRER (1954: 40).

Данная диссертация во всех отношениях представляет собой необычное начинание: эта во многом новаторская работа объединяет в себе научный интерес, связь с современностью и личный энтузиазм. Хотя в Германии и существует великолепный и очень подробный двадцатидвухтомный труд Э. Машке (1962 г. и 1974 г.) о военнопленных в Советском Союзе, с тех пор общественный интерес переместился на другие аспекты. В Японии же судьбы и взгляды заключенных советских лагерей долгое время не принимались во внимание. Именитые сборники текстов и расследований начинают медленно выходить в свет начиная с 80-х гг., в западных же публикациях эта тема едва ли затрагивалась вообще. Абсолютным новшеством диссертации является включение графики (рисунков заключенных), а также сравнение воспоминаний о пережитом японских и немецких военнопленных. Редкая комбинация изучаемых автором предметов – японология и русистика – позволила ему подойти к предмету исследования компетентно.

Данный научный труд охватывает 316 страниц и состоит из введения, четырёх глав, библиографии и приложения с различными материалами – определением понятий, временной таблицей, глоссарием используемых знаков и резюме исторических документов (в том числе открытое письмо императора Мэйдзи к солдатам). По общей структуре работа производит значительное впечатление.

Глава 1, Введение (С. 3-14), определяет цели и задачи исследования, формулирует выбранный подход, описывает состояние исследования и источников на данный момент, а также затрагивает проблемы воспоминания. При постановке задач выделяются семь основных пунктов. Какую роль играло гражданское и военное образование? Есть ли различия между воспоминаниями о пережитом японцев и немцев? Имела ли религия какое-либо влияние? Как оценивали друг друга японцы и немцы? Существовала ли определенная национальная лагерная культура? Выражали ли японцы большее повиновение, чем немцы? Были ли японцы восприимчивее к коммунистической индоктринации, чем немцы?

Уже сама постановка вопросов указывает на многогранность исследуемой темы. Ведь изображение и оценивание военного плена в конечном счете предполагает междисциплинарное исследование. Поскольку речь идет о целом рассматривании крайне различных материальных и духовных аспектов, то говорить о методической стрингентности можно только с оговоркой.

Что касается использованных источников, автор сознательно опирается на письменные (и частично визуальные) очерки о пережитом. Несмотря на то, что ему удалось установить много личных контактов с очевидцами, он замечает (С. 10): «Устные высказывания ветеранов практически не играют никакой роли, так как я вскоре убедился в том, что они тяготились многочисленными расспросами. Я не проводил протоколы интервью и записывал только имена, место и время, а также основную суть интересовавших меня рассказов».

Глава 2, «Исторические условия» (С. 15-65), информирует о разнообразных, но необходимых дополнительных аспектах, которые в общем несомненно можно дополнить и углубить, но которые, однако, в соответствии с необходимым уровнем освещения, ограничиваются целями и задачами, поставленными в Главе 3. Среди них особый интерес представляет десятистраничный экскурс об отношении к плену японцев, немцев и русских, а также их оценке Женевской конвенции 1929 г.

Глава 3, «Сравнение японских и немецких рассказов о пережитом» (С. 66-232), охватывает ни много ни мало 167 страниц. В восьми подглавах дается исчерпывающая панорама лагерной жизни, как с материальной, так и с духовно-эмоциональной точки зрения, а также характеризуются схожести и различия между японскими и немецкими заключенными. Особое внимание уделяется следующим аспектам: отношение к собственному поражению и приспособление к плену; политически-идеологическое воспитание в рамках «антифашистско-демократического движения»; различные стратегии выживания перед лицом голода, холода, болезней, физического страдания и смерти товарищей; межчеловеческие отношения внутри лагеря и отношение к русскому населению. Изображение описываемых явлений носит конкретный, детальный характер, с привлечением множества цитат и иллюстраций: при этом односторонние обвинения в адрес противника обходятся стороной; делается попытка точно и объективно передать экстремальные ситуации в межчеловеческих отношениях. Именно поэтому эта часть работы читается с увлечением и проливает свет на многие темы.

Глава 4, «Выводы и Заключение» (С. 233-245), дает очень содержательный, сжатый обзор наиважнейших проблем и результатов. Выделяются прежде всего следующие аспекты: значение национальных традиций и предшествующее политически-идеологическое обусловливание попавших в плен; тяжесть климатических условий, нехватка питания, условия содержания и труда; проблемы языковой и неязыковой коммуникации; идеологическое перевоспитание, доносы и шпионство; значение религии, ритуала и культурной деятельности в самом неблагоприятном положении; разнообразие позитивного опыта общения с простым и также нуждающимся советским населением; обоюдное восприятие друг друга японскими и немецкими заключенными; деятельность пленных и реакции соотечественников непосредственно по их возвращении на родину. И, наконец, во всех вышеперечисленных областях – сравнение реакций как с японской, так и с немецкой стороны.

Заключение:

1. Автор диссертации проявил большое личное участие и приложил огромные усилия, разрабатывая тематику данной работы. В особенности главные источники японской стороны — рассказы о пережитом японских военнопленных — автору пришлось с большим трудом искать, собирать, сортировать и анализировать во время пребывания в Японии, прежде всего в Университетской библиотеке г. Саппоро — Хоккайдо. Кроме того, Р. Дэлэр установил обширную сеть личных и социальных контактов с соответствующими организациями в Германии, России и Японии, научно заинтересованными лицами и непосредственными участниками событий (ветеранами). Произведенная в этом направлении работа уже достойна всяческого внимания.
2. Сама диссертация свидетельствует о целенаправленности поставленных вопросов, научной ясности, способности к дифференциации в сочетании с эмпатией и личным участием.
3. В большинстве своем работа носит новаторский характер и имеет особую актуальность в рамках мирового исследования последствий Второй мировой войны. Редко случается, когда соискателю ученой степени во время работы над диссертацией участниками событий задается один и тот же вопрос: когда же, наконец, будет завершена его работа (ср. С. 2 вверху).
4. Внешнее и языковое оформление, презентация материала, библиография и приложение соответствуют научному стандарту.
5. Отходя от практики, принятой в рецензиях на диссертации, мне представляется необходимым в данном случае указать на следующий личный аспект. Автор диссертации

после 45 лет профессиональной деятельности в возрасте 63 лет начал изучать японологию и русистику в университете и успешно окончил обучение со степенью лиценциата. То, что Р. Дэлэр после 10 лет обучения смог увенчать свои обучения удавшейся диссертацией, является достижением, необычным по своему характеру и заслуживающим особого признания.

Цюрих, 19-го октября 2006 г.

Проф. д-р. Эдуард Клопфенштейн

Общая оценка:

«Блестящее научное достижение, освещающее давно забытый аспект Второй мировой войны и её последствий, а также выполненное с огромным энтузиазмом».

Итоговая оценка: с отличием (*insigni cum laude*).

(Перевод: Анна Бернолд)

Биография

Рихард Делер (Richard Dähler), швейцарец, родился 23 октября 1933 г. Я вышел на пенсию в конце 1995 г., 45 лет проработал в швейцарской фирме ДАНЦАС. В Токио я был президентом ДАНЦАС Японии. После выхода на пенсию поступил в Цюрихский университет в октябре 1996 г. Изучал японоведение как основной предмет, а русский язык и литературу как дополнительные предметы. Дипломная работа 2002 г.: „Die japanischen Kriegsgefangenen in Sibirien 1945-1956. Verarbeitung der Lagererlebnisse in Wort und Bild“ [Японские военнопленные в Сибирском плену 1945-1956 гг. Переосмысливание лагерных событий в слове и в образе].

Интересы: культурные обмены, иностранные языки, история

Адрес: CH 8047 Zürich, Швейцария

Телефон: +41-(0)44 - 492 72 22

Сайт: www.eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf

майл: richard.daehler@bluewin.ch

LIT-Verlag 2007 год: ISBN Швейцария 978-3-03735-172-7

Германия 978-3-8258-0542-5

(12.8.2012 22.10)